

«Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию

ЕКАТЕРИНА
БОЛТУНОВА

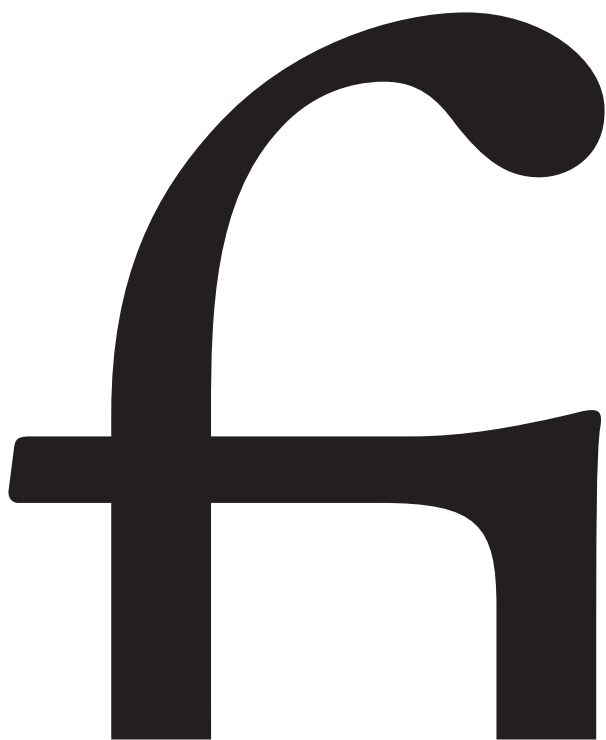
8 мая 1967 года в СССР был открыт мемориал, воспринимающийся современной властью и обществом как главный комплекс, посвященный победе в Великой Отечественной войне – Могила Неизвестного солдата в Москве. Его открытие накануне Дня Победы и в год празднования 50-летия октябрьской революции стало одной из самых зримых отсылок к советской идее о связи двух событий – социалистической революции 1917 года и победы в Великой Отечественной / Второй мировой войне в 1945-м.

Событию мая 1967-го предшествовало перезахоронение 2–3 декабря 1966 года останков солдата Панфиловский дивизии, погибшего в боях под Москвой и покоевшегося в братской могиле недалеко от Зеленограда. В Москве бронетранспортер с лафетом, на котором установили гроб, проехал по улице Горького от Белорусского вокзала до Александровского сада. Этот траурный церемониал повторял путь императорского коронационного въезда – от границы древней столицы, маркированной Тверской заставой и Петровским путевым дворцом, до Кремля. Вполне исторической была и логика выстраивания процессии, обрамленной «шпалерами» войск: за гробом шли солдаты почетного караула, а по обеим сторонам улицы дви-

Екатерина Михайловна Болтунова (р. 1975) – историк, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

ПАМЯТЬ О РЕВОЛЮЦИИ

гались открытые военные машины с траурными венками на сиденьях¹.

Чуть более, чем через 5 месяцев, из Ленинграда в Москву был доставлен Вечный огонь с главного революционного некрополя страны – Марсова поля. Вечный огонь на Марсовом поле появился лишь за десятилетие до описываемых событий и не был первым подобным мемориалом в СССР. Однако, как справедливо указывает Светлана Авдоньева, с точки зрения идеологического содержания, Вечный огонь на Марсовом поле воспринимался как первый и самый значимый². У стен Кремля факел принял герой войны – летчик, потерявший обе ноги, Алексей Маресьев. Он передал его генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу, который и зажег Вечный огонь мемориала. Так символически пламя революции превратилось в Вечный огонь памяти о войне.

Постулировала эту связь не только церемония открытия, но и сама концепция нового мемориала. Захоронение у кремлевской стены стало своего рода продолжением советского некрополя на Красной площади. Выбор места для Могилы Неизвестного солдата в значительной мере повторял логику определения окончательного места для мавзолея Ленина, который, в конце концов, оказался расположен у кремлевской стены перед зданием Сената. Оба объекта – дворец Матвея Казакова, построенный для Правительствующего Сената, где в советские времена размещалось правительство, и мавзолей основателя новой страны – должны были воплощать идею единства власти и закона. Схожим образом для создания мемориала (Могила Неизвестного солдата) и реализации идеи воинской славы было выбрано место у кремлевской стены, за которой находилось здание Арсенала, известного петровского Цейхгауза, пострадавшего при нашествии Наполеона и во время революционных событий в Москве в 1917 году. К тому же Могила Неизвестного солдата, воспринимаемая сейчас скорее как одиночное захоронение, в момент своего создания на символическом уровне позиционировалась как часть целого некрополя: внутри гранитных постаментов с именами городов-героев были установлены капсулы, в которых находилась земля с братских могил каждого из городов. Революция и война, казалось, стали звеньями одной цепи.

1 Муравьев В.Б. *Могила Неизвестного солдата*. М.: Московский рабочий, 1987. С. 34–35, 56–57.

2 Адоньева С.Б. *Категория ненастоящего времени (антропологические очерки)*. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. С. 126.

«ПОБЕДА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ»

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

К 1967 году указание на связь между прошедшей Отечественной войной и революцией 1917-го стало общим местом. Риторика публичных текстов, визуальный ряд (в том числе и мемориалы), а также коммеморативные практики пропагандировали общую установку: победа в войне имеет своим истоком революционные события 1917 года. Октябрьская революция вплоть до распада Советского Союза обладала статусом главного легитимизирующего исторического события. Все зиждилось на этом основании или, если использовать востребованный в советской общественно-политической пропаганде образ, стремилось к этому истоку, определялось и объяснялось им одновременно.

Главной отличительной чертой этого процесса стало указание на идеологическую связь между событиями, выражавшееся в формуле «победа Советского Союза в Великой Отечественной войне – это победа советского общественного и государственного строя и поражение германского империализма»³. Победа определялась ведущей ролью партии («эту великую победу народ одержал под руководством Коммунистической партии»⁴), которая смогла «по-ленински сплотить массы под ударами врага»⁵. В одном из докладов Леонида Брежнева, посвященных празднику Победы, эти установки оформлялись в следующую риторическую композицию:

«Советскому народу пришлось в первый период войны испытать горькую чашу неудач. Но никогда советских людей не оставляла твердая вера в победу. Их вдохновляли идеи великого Ленина, который говорил о героях Октября: “Дадим себе клятву идти по их следам. Подражать их бесстрашию и героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим... Этот лозунг – победа или смерть!”»⁶

Итогом войны в рамках такой идеологической схемы оказывалась победа над империализмом. Советская пресса начала тиражировать установки подобного рода уже в первые мирные годы⁷, а к началу 1960-х это стало общим местом⁸. В 1965 году министр обороны СССР, маршал Малиновский, выразил это следующим образом:

«Отвоёванная в суровых сражениях победа над фашистской Германией – событие всемирно-исторического значения. В итоге войны

3 Правда. 1955. 9 мая. № 129. С. 2; 7 ноября. № 311. С. 2.

4 Там же. № 129. С. 2.

5 Там же.

6 Там же.

7 См., например: Там же. № 311. С. 2.

8 См., например: Там же. № 129. С. 3.

были резко подорваны позиции империализма, создавая благоприятные условия для ряда стран Европы и Азии встать на путь социализма, с небывалой силой развернулось национально-освободительное движение»⁹.

Эти позиции отражались даже в лозунгах, традиционно появлявшихся в праздничных номерах. Одним из самых выразительных примеров постулирования связи между революционными/коммунистическими идеалами и победой в войне можно обнаружить в «Известиях» за 9 мая 1965 года: «Народу-победителю – Ура! Ура! Ура! Слава нашей могучей социалистической родине! Слава ленинской партии коммунистов! Да здравствует коммунизм!»¹⁰

Анализ газетных и журнальных публикаций показывает, что первоначально правительство СССР стремилось разъяснить населению идеологические основания, которые постулировали связь между революцией и войной. В 1950–1960-х советские издания подробно прописывали все элементы этой связи: Ленин–Сталин, руководящая роль партии, революционные идеалы, воспитавшие поколения советских людей, отправившиеся на фронт. К 1970-м политическая практика имела в своем распоряжении целый ряд подобных идеологем.

Связь двух событий постулировалась как обоюдная. Иными словами, 9 мая в СССР вспоминали о 7 ноября, а празднование дня Великой Октябрьской социалистической революции не обходилось без упоминания победы над фашизмом. Так, уже 7 ноября 1946 года советская пресса активно публиковала материалы, в которых праздник революции осмыслялся вместе с праздником Победы. В главном издании страны – газете «Правда» – в опубликованном докладе Андрея Жданова и в авторских статьях рефреном проходила отсылка к тому, что необходимо помнить: 1946-й – это первый послевоенный год¹¹. Номера газет за 9 мая неизменно публиковали сообщения о советских и иностранных гражданах и делегациях, посетивших накануне мавзолеем Ленина¹².

Существенно реже можно зафиксировать стремление объединить 9 мая с 1 мая. Однако такие случаи, характерные в большей степени для конца 1940-х, так же имели место. Например, всего через год после окончания войны майский номер «Крокодила» вышел под обложкой, на которой были изображены страницы отрывного календаря – 1 мая, 2 мая, 9 мая и подпись «Веселый месяц май!». В 1947 году в этом же издании советский

9 Там же. С. 4.

10 Известия. 1965. 9 мая. № 109. С. 1.

11 Правда. 1946. 7 ноября. № 265. С. 1.

12 Там же. 1955. 9 мая. № 129. С. 7; 1975. 9 мая. № 129. С. 6.

писатель и главный редактор «Крокодила» Григорий Рыклин опубликовал рассказ «Об одном собрании». В нем главными героями, как в известной сказке, стали 12 месяцев. Самым значимым из них был определен Октябрь, выбранный председателем собрания. Вторым по значимости стал Май, который в конце рассказа выступил со следующим монологом:

«Вы здесь, товарищи, отмечали некоторые мои числа. Это большие и радостные числа. Но вы все, все месяцы года, активно содействовали тому, чтобы мои дни зацвели праздниками. Спасибо, друзья, и особенно вам, родной Октябрь!»¹³

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА
«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

Илл. 1. Обложка «Крокодила» от 30 апреля 1946 года.

На неразрывность цепи исторических событий указывали и выбранные риторические приемы. Так, в годовщину победы (9 мая 1946 года), как и в день ее 10-летия (9 мая 1955 года), «Правда» вышла под лозунгом «Да здравствует Коммунисти-

13 Рыклин Г. *Об одном собрании* // Крокодил. 1947. № 12. С. 2.

ческая партия Советского Союза – вдохновитель и организатор всех наших побед!»¹⁴. Отметим: слово «победа» было использовано во множественном числе, то есть победа в войне оказывалась лишь одной из многих.

В официальном нарративе имело значение и указание на связь победы с трудовыми свершениями советского народа: в начале мая газеты традиционно публиковали заметки о перевыполнении производственных планов и стахановских вахтах в честь Дня Победы¹⁵. Эта традиция была особенно востребована в 1940-е – начале 1950-х, а также после начала работ на БАМе. В 1970-е пресса уже оперировала формулировками типа «революционная, боевая и трудовая слава», «революционные, боевые и трудовые традиции», «ветераны партии и революции, войны и труда»¹⁶.

С течением времени идеологическое прочтение связки «революция–война» стало более антропологическим, в том смысле, что связь между событиями постулировали действия (обычных) людей. Если в 1940–1960-е, публикуя 9 мая заметки о посещении ленинских мест, газеты писали об иностранных делегациях, то в позднесоветский период героями становились простые граждане. Так, на последней странице «Правды» за 9 мая 1975 года была размещена небольшая заметка «К Ленину». В ней сообщалось, что Музей В.И. Ленина в Кремле зарегистрировал миллионного посетителя, которым стал электромонтер Московского метрополитена и участник прорыва блокады Ленинграда В.Н. Шелухин¹⁷. Примечательно, что посетитель, пришедший к Ильичу накануне праздника победы, был одновременно ветераном войны и представителем рабочего класса.

В рамках этой же парадигмы проходило оформление памятников и монументальных комплексов, а также разработка церемоний их открытия. В этом смысле создание Могилы Неизвестного солдата в Москве было не первым и не последним подобным случаем. В Севастополе, на Малаховом кургане, Вечный огонь был зажжен 23 февраля 1958 года в день Советской армии и военно-морского флота. На Пискаревском мемориальном кладбище в Ленинграде Вечный огонь появился в День Победы в 1960 году, но его зажег (так же от огня на Марсовом поле) рабочий Кировского завода Петр Зайченко¹⁸, подчеркивая таким образом преемственность революционных традиций.

В отличие от вербальной риторики, визуальный ряд, создаваемый в рамках связки «революция–война» оказывался доро-

14 Правда. 1946. 9 мая. № 110. С. 1.

15 Там же. С. 2.

16 Там же. 1975. 9 мая. № 129. С. 5–6; 7 ноября. № 311. С. 2.

17 Там же. 1975. 9 мая. № 129. С. 6.

18 Юдкина А. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). С. 112–135.

гой с односторонним движением: революционная образность перетекала в память о войне, но образы Великой Отечественной / Второй мировой войны, появившиеся в 1941–1945 годы, поствоенной пропагандой революции востребованы не были.

Как известно, проекты государственных памятников, появившихся в связи с событиями войны, в значительной мере восприняли революционный канон, с его поэтизацией героики и сложным отношением к теме виктимизации. Показательны в этом отношении мемориалы, установленные в местах массовой гибели гражданского населения периода Великой Отечественной, такие, например, как Пискаревское мемориальное кладбище в Ленинграде или памятник в Бабьем Яру под Киевом. Первый из них был открыт за 7 лет до Могилы Неизвестного солдата (9 мая 1960 года) на месте захоронения жителей блокадного города и погибших на Ленинградском фронте. Появившийся здесь мемориал представляет собой комплекс, частью которого стал не только упомянутый Вечный огонь, но и стена с барельефами, посвященными героизму защитников города, среди которых были изображены солдаты и рабочие. К революции отсылали и слова известной эпитафии Ольги Берггольц, в которой рядом с погибшими в блокадном Ленинграде детьми появлялись красноармейцы, а сам город был назван «колыбелью революции»:

Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане – мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею.
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции...

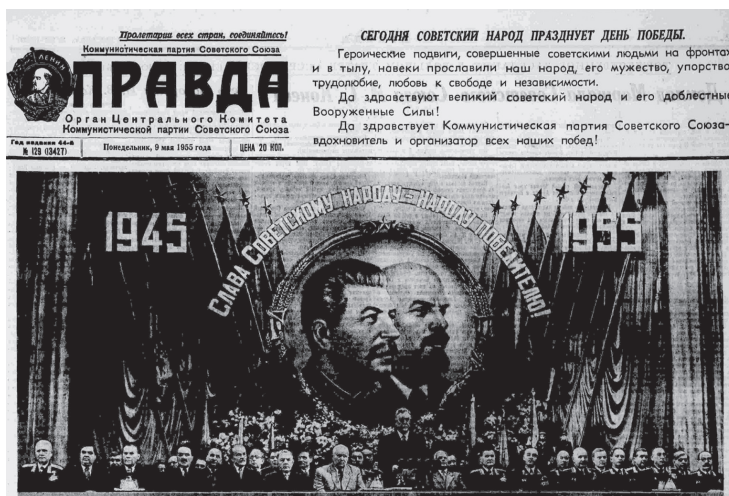
Памятник в Бабьем Яру, на месте массовых расстрелов был установлен значительно позже, в 1976 году, и имел официальное название памятник «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яру». При этом сам монумент представляет собой скульптурную группу, где, кроме погибающих матери и ребенка, изображены в позах, говорящих о сопротивлении и борьбе, революционные герои – солдат и матрос.

Канон революционной образности с появлением и развитием памяти о Великой Отечественной скорректирован не был. С одной стороны, у революции уже была своя война – гражданская, – которая вполне удовлетворяла героической парадигме. С другой стороны, советская система образов, особенно реализованных в пластике, тяготела к линейному выстраиванию связей – от прошлого к будущему. Монументы, авторы которых позволяли себе иное восприятие прошлого и/или соеди-

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА
«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

няли исторических героев разных эпох, появились уже после распада Советского Союза (например, памятник «Защитникам земли Российской» у Поклонной горы в Москве, 1995 год).

Оформление газетных номеров на 7 ноября и 9 мая в 1950–1960-е годы мало отличалось друг от друга. Так, 9 мая 1955 года номер «Правды» вышел с фотографией торжественного заседания Президиума Верховного Совета СССР, состоявшегося в Большом театре. Сцена была декорирована цветами и знаменами; центральную часть занимало изображение профилей Сталина и Ленина, при этом первый располагался поверх второго. Над изображением был размещен лозунг «Слава советскому народу – народу-победителю!». Номер на 7 ноября представил ту же сцену, но цветы были дополнены колосьями, лозунг звучал как «Да здравствует 38-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции!», а профили вождей поменялись местами.

Илл. 2. Первая полоса «Правды» от 9 мая 1955 года.

Илл. 3. Первая полоса «Правды» от 7 ноября 1955 года.

Существовали попытки провести связь не столько между революционной идеологией и Отечественной войной, сколько между собственно историческими событиями или связанной с ними топографией. Однако примеры такого рода свидетельствуют о том, что подобная установка могла быть реализована исключительно в рамках модели «война-война». Иными словами, если речь не шла о собственно идеологическом наполнении, то события Великой Отечественной пытались увязать с более ранними вооруженными конфликтами. Чрезвычайно показателен в этом отношении рисунок Михаила Черемных, опубликованный в «Крокодиле» как иллюстрация к рассказу Рыклина «Сто процентов попадания». Человек с рыжими усами», изображавший бравого солдата и пораженные им мишени для стрельбы. Каждая из них представляла собой врага в тот или иной момент истории СССР: «интервенты», «немцы 1918 г.», «белогвардейщина», «петлюровщина», «Пилсудский», «Хасан», «Халхингол», «белофины», «Антонеску», «Хорти», «Муссолини», «Таннер-Рюти», «гитлеровская Германия», «Япония»¹⁹.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА
 «ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

Человек с рыжими усами

ПРОСМАТРИВАЮ свои карты и планирование. Шерлок Холмс, а потому и так много трагических случаев, забывая, что это страна, но тут не в себе, а в нем некого трагедии. Его всегда привлекала такая тема, а потому есть, конечно, и побед.

— Это было самое интересное. И тогда я решил уйти в Шаруа. Боюсь, вы сейчас в курсе, откуда такая тема. Говорят, что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

СТО ПРОЦЕНТОВ ПОПАДАНИЯ

Учился много, как и глаза на воду.

— Ему ведь повезло: на полях под автомобиль «Сквер» поехали.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕНАПИСАННОГО

Учился много, как и глаза на воду.

— Ему ведь повезло: на полях под автомобиль «Сквер» поехали.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

— Да, там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного. Но там давно скучно заниматься с предпринимателями, потому что там много интересного.

Возникший тренд стремились реализовать и некоторые музеи. В 1948 году был открыт восстановленный Музей обороны Царицына – Сталинграда. За два предшествующих года

Илл. 4. Рисунок Михаила Черемных, опубликованный в «Крокодиле», 1946 год.

19 Крокодил. 1946. № 5. С. 6–7.

прежнее здание музея было восстановлено, создана новая экспозиция, в зале подарков появились скульптура вождя, а также барельефы «Оборона Царицына» и «Оборона Сталинграда». Теперь музей освящал события не только гражданской, но и Великой Отечественной войны²⁰. В 1949 году Крымский областной комитет партии обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить создание в Алуштинском музее Крыма экспозиции «Сталин в Крыму». Инициаторы проекта предполагали начать экспозицию с темы «Сталинский план разгрома Врангеля», а завершить рассказом об освобождении Крыма во время Великой Отечественной войны и о проведении Ялтинской конференции²¹. Такие случаи, однако, были единичными.

ВТОРОЙ «ИЗВОД» МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Память о Великой Отечественной войне как институциональный государственный проект появилась, как известно, довольно поздно, в конце 1960-х – 1970-е годы²². При этом главные мемориальные практики (празднование Дня Победы, проект «города-герои», строительство мемориальных комплексов в Москве, Ленинграде и Волгограде, складывание особой военной мемуаристики, вплоть до публикации «Малой земли» Леонида Брежнева в 1978 году) приходятся именно на 1970-е. Вместе с тем схожие процессы, связанные с формированием памяти о Второй мировой войне в странах советского блока, были инициированы значительно раньше. Первые государственные мемориалы появляются в Восточной Европе уже в конце 1940-х – 1950-е годы. В их числе можно назвать памятник советско-польскому братству по оружию в Варшаве (1945), памятник советским воинам в Будапеште (1945) и известный болгарский мемориал «Алеша» (Пловдив, 1957). По сути, в период со второй половины 1940-х и вплоть до середины 1960-х годов власть в СССР была заинтересована в маркировании собственных геополитических интересов и удостоверении лояльности новых социалистических стран. Работа с категориями памяти внутри страны была вторична. Более того, на раннем этапе, то есть в последние годы жизни Сталина, предпринимались сознательные действия против культивирования памяти о войне (День Победы не являлся праздничным до середины

20 Гурьянова В.С. *Восстановление Музея обороны Царицына – Сталинграда имени товарища Сталина после Великой Отечественной войны (1945–1948 гг.)* // Проект Нижняя Волга. 2017. № 1 (Январь). С. 24–27.

21 *Заключение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)*. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 1473. Л. 113–114.

22 Копосов Н. *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 102–105.

1960-х, существовал фактический запрет на публикацию мемуаров о войне²³).

Позиционирование международного значения победы Страны Советов в войне и указание на связь событий 1917-го и 1945 года оказались частью единого процесса. Вторая мировая война в советском прочтении стала проводником мировой революции. Номера центральной прессы за 7 ноября были наполнены текстами, содержащими прямое указание на то, что победа во Второй мировой войне дала возможность народу той или иной страны или региона сломить сопротивление империалистов и понять значение социалистических идеалов. Именно так, например, было построено поздравление с 38-й годовщиной революции от Польской Народной Республики, подписанное Александром Завадским, Юзефом Циранкевичем и Болеславом Берутом.

«Польский народ никогда не забудет, что победа Советского Союза над фашизмом во Второй мировой войне принесла Польше освобождение от ярма гитлеровских оккупантов и позволила трудящимся разбить оковы капитализма и взять власть в свои руки»²⁴.

Та же риторика используется в поздравлении, присланном в Москву ЦК Румынской рабочей партии:

«Румынский народ питает глубокую и горячую признательность к великому советскому народу, историческая победа которого над фашизмом во Второй мировой войне дала ему возможность взять свою судьбу в собственные руки»²⁵.

Анализ советской прессы показывает, что в номерах центральных газет за 9 мая объем материалов о значении победы для стран социалистического блока и проходивших там празднований был не просто большим, а доминирующим. Этот процесс начался еще во второй половине 1940-х и получил исключительное развитие в середине 1950-х – 1960-е. В шестиполосной «Правде» за 9 мая 1955 года более половины номера было отдано под рассказ о внешнеполитических новостях в связи с праздником. Помимо 10-й годовщины освобождения Чехословакии, статьи о которой заняли две газетных полосы, на освещение событий в странах социалистического блока были выделены 5-я и часть 6 страницы. В номере опубликованы заметки «Прием в посольстве Германской Демократической Республики»²⁶, «Массовый митинг в Берлине, посвящен-

23 Хоскинг Д. *Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе*. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 260; TUMARKIN N. *The Living and the Dead. The Rise and the Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994. P. 104.

24 Правда. 1955. 7 ноября. № 311. С. 4.

25 Там же. С. 1–3.

26 Там же. 9 мая. № 129. С. 1.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

ный 10-й годовщине освобождения Германии от фашизма»²⁷, «Возложение венков к подножию памятника советским воинам в берлинском Трептов-парке», «Прием у президента Германской Демократической Республики», «Празднование дня победы за рубежом»²⁸. Лишь половина полосы была отведена для рассказа о праздновании Дня Победы в Киеве, Минске, Москве, Сталинграде, Ленинграде и Севастополе²⁹.

Стоит отметить, однако, что «Правда» была главной газетой страны, транслировавшей официальную позицию партии и представлявшей свои материалы в исключительно сдержанной манере. Выпуски «Известий» 9 мая были более эмоциональными и обращенными к читателю: здесь пытались разнообразить лозунги, публиковали больше фотографий и художественных текстов. Так, для праздничного номера за 1946 год был выбран рассказ Николая Погодина «Люди подвига» и стихотворение Анатолия Сафронова «Доблесть»³⁰, а номер за 1965 год открылся большой статьей о параде на Красной площади; в нем также появилась заметка «Интервью с праздничных трибун»³¹. Однако в целом содержание и логика построения праздничного номера совпадала с тем, что публиковалось в «Правде».

В «революционном» номере «Правды» за 1955 год Великая Отечественная была упомянута лишь единожды, в печатной версии доклада Лазаря Кагановича:

«Весь советский народ единодушно поддержит свое правительство и скажет: “Не для того мы и другие народы Европы кровь проливали и разгромили немецкий империализм в Великой Отечественной войне, чтобы своими руками восстанавливать его на беду всем народам, в том числе и германскому”»³².

Как видно из этого отрывка, контекст, в котором возникает отсылка к Великой Отечественной войне, является внешнеполитическим. Вероятнее всего, в это время проработка двух значимых для советской идеологии терминов – Вторая мировая и Великая Отечественная – еще не была детальной. В ряде случаев они могли использоваться как равнозначные. Об этом свидетельствует, в частности, содержание изданной в 1946 году книги Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза» (курсив мой. – Е. Б.), которая представляла собой сборник речей, выступлений и приказов вождя. Собранные под одной обложкой документы охватывали период с 3 июля 1941-го по 3 сентября 1945 года, а среди опубликованного были мате-

27 Там же. С. 5.

28 Там же. С. 6.

29 Там же. С. 3.

30 Известия. 1946. 9 мая. № 106. С. 3.

31 Там же. 1965. 9 мая. № 109. С. 1–4.

32 Правда. 1955. 7 ноября. № 311. С. 2.

риалы, затрагивающие ход военных действий как на территории СССР, так и в Европе и в Японии³³.

Через десятилетие ситуация не изменилась. «Правда» за 9 мая 1965 года была почти целиком заполнена информацией из стран социалистического блока (5–7 страниц). Особое внимание все так же уделялось освобождению Чехословакии. В газете появились поздравления, направленные в Прагу Леонидом Брежневым, Анастасом Микояном и Алексеем Косыгиным, и ответные приветствия Антонина Новотного, Богуслава Лаштовички, Йозефа Ленарта, а также большая статья «Дружба на вечные времена. Торжественное заседание в Праге»³⁴. О празднованиях победы советским народом традиционно сообщала последняя страница номера.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

С ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Илл. 5. Первая полоса «Правды» от 9 мая 1965 года.

В этом же номере «Правды» за 9 мая 1965 года неожиданно для риторики советской пропаганды тех лет появилось упоминание русского народа (отдельно от народа советского), что было совершенно не типично для публичного дискурса тех лет³⁵. В номере была размещена заметка под названием «В благодарность русскому народу». В ней сообщалось, что представители УССР (Совет министров, ЦК Компартии Украины и Президиума Верховного Совета УССР) вручили представителям РСФСР «памятную медаль в ознаменование 20-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков братскому русскому народу в знак глубокой благодарности украинского народа за активное участие в освобождении Украины от гитлеровских полчищ в годы Великой Отечественной войны». При этом медалью было

33 Сталин И.В. *О Великой Отечественной войне Советского Союза*. М.: Военное издательство Вооруженных сил СССР, 1948.

34 Правда. 1965. 9 мая. № 129. С. 2–7.

35 Хоскинг Д. *Указ. соч.* С. 260.

решено наградить также «все автономные республики, автономные области, национальные округа, края и области РСФСР»³⁶. Возможно, необходимость использовать такую прямую отсылку к этнической составляющей, не перекодировав ее в рамках категории «советский народ», была связана с представительством Украинской ССР в ООН и необходимостью поддержания особого статуса республики на внешнеполитическом уровне.

Нельзя не отметить перекодировку и еще одного уровня. Страны, входившие в зону влияния СССР (Польша, Чехословакия, Болгария, Румыния, Венгрия), в советской прессе 1940-х именовались государствами, «освобожденными от фашизма». Однако они достаточно быстро, не в последнюю очередь в связи с созданием в 1955 году Организации Варшавского договора, начали позиционироваться как активные участники антигитлеровской коалиции. Так, в заглавной статье «Правды» от 9 мая 1955 года «Могущество советского строя» говорилось:

«Наш героический народ, наши доблестные Вооруженные силы в ходе войны мужественно выдержали натиск озверелых фашистских орд и вместе со своими союзниками – американскими, английскими, французскими, польскими и чехословацкими войсками, войсками Югославии, присоединившимися к нам впоследствии частями румынской и болгарской армий – нанесли сокрушительное поражение гитлеровским полчищам»³⁷.

Эта же позиция была слово в слово повторена в докладе маршала Конева, опубликованном здесь же:

«Плечом к плечу с Советской Армией сражались польская армия, чехословацкие войска, а к концу войны войска Румынии, Болгарии и других стран Европы, освобожденных Советской Армией от фашистского гнета»³⁸.

Примечательно, что на первое место выходила Польша – страна, с которой у СССР, по выражению Сталина, «отношения в течение... пяти веков... изобиловали элементами взаимной отчужденности, недружелюбия и... открытых военных конфликтов»³⁹. Интересно также, что в обоих случаях в зоне умолчания оказалась социалистическая Венгрия⁴⁰. Интересно, что «Известия», в ряде случаев публиковавшие поздравления пред-

36 Правда. 1965. 9 мая. № 129. С. 5.

37 Там же. 1955. 9 мая. № 129. С. 1.

38 Там же. С. 2.

39 Сталин И. В. *Речь при подписании Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской Республикой (21 апреля 1945 г.)* // Он же. *О Великой Отечественной войне Советского Союза* (цит. по: www.e-reading.club/book.php?book=10006270).

40 Венгры, принимавшие активное участие в боях на Восточном фронте на стороне нацистов, стали появляться в советской прессе лишь в начале 1960-х. Как правило, их упоминали в достаточно нейтральных заметках (посещение 9 мая мавзолея Ленина или поздравление СССР по случаю 7 ноября).

ставителей стран соцблока выборочно, также отдавали предпочтение Германии, Польше и Чехословакии⁴¹.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА
«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

ВОЙНА VS. РЕВОЛЮЦИЯ

С течением времени, однако, память о войне начинает приобретать зримую автономию, отрываясь от образа революции, несмотря на все усилия по их «сшиванию».

Первоначальный объем, отведенный в центральной прессе под выстраивание памяти о войне в соотношении с памятью о революции, не был велик. Так, в «Правде» за 9 мая 1946 года на публикации к юбилею был отдан отнюдь не весь номер. Наряду с поздравлениями Верховного главнокомандующего, статьями Исаака Минца «Народ-победитель» и Оскара Курганова «Вечная слава», рассказом Леонида Леонова «На башне», заметкой «Герои, водрузившие знамя победы над Берлином» и несколькими стихотворениями в номере были опубликованы указ о разделении Министерства рыбной промышленности, статья об участниках социалистического соревнования – ткачихе Марии Волковой и машинисте Николае Киселеве – и проведении референдума во Франции⁴².

В 1946 году «Правда» за 9 мая имела стандартные для любого номера четыре страницы. В 1955-м это издание вышло в объеме шести, а в 1965-м – восьми полос. В 1975-м праздничный номер издания снова вернулся к объему в шесть полос. Укрупнение номера в 1965 году, как кажется, произошло из-за осознания необходимости сочетать внешнеполитический акцент, который по-прежнему преобладал, с содержанием, которое апеллировало к событиям внутри страны. Кроме того, редакции было необходимо опубликовать доклад Леонида Брежнева, который, в отличие от прежних, достаточно лапидарных обращений Сталина и Хрущева, занял две с половиной страницы.

Схожим было изменение объема «Известий». В 1946 году номер за 9 мая состоял из четырех, а в 1955-м и 1975-м – из шести полос⁴³. Интересно, что 9 мая 1965 года в свет вышли сразу два независимых друг от друга номера «Известий» – восьмиполосный (воскресный) (№ 108), а также четырехполосный выпуск (№ 109). Материалы первого из них полностью копировали то, о чем писала «Правда» (доклад Брежнева, большая статья «Народы СССР и ЧССР всегда вместе!», поздравления от соцстран, заметки о праздновании Дня Победы в городах СССР). Второй номер, напротив, был значительно менее официальным.

41 Известия. 1965. 9 мая. № 109. С. 3.

42 Правда. 1946. 9 мая. № 110. С. 2, 4.

43 Известия. 1946. 9 мая. № 109; 1955. 10 мая. № 109; 1965. 9 мая. № 108; 1975. 9 мая. № 108.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

Илл. 6. Первая полоса
«Правды» от 9 мая
1975 года.

С точки зрения внимания к событию, война догнала, а в середине 1960-х даже перегнала революцию. При этом номера «Правды» за 7 ноября все это время выходили неизменным объемом в шесть полос⁴⁴.

В 1970-е начинает меняться и долго остававшееся неизменным оформление первой полосы номеров за 7 ноября и 9 мая. На публиковавшихся традиционно фотографиях партийных заседаний, проводившихся 9 мая, появляется самостоятельный символический элемент – изображение ордена Победы.

Как уже говорилось, отсылки к войне и победе можно найти в номерах, которые центральные газеты публиковали к 7 ноября. Но важно отметить, что с течением времени количество подобных упоминаний становится все более и более значительным. Показателен в этом отношении «революционный» номер «Правды» за 1965 год. Упоминаний о войне и победе в нем оказывается настолько много, что становится ясно: в период формирования советского канона о Великой Отечественной войне говорить об октябрьской революции в отрыве от нее было практически невозможно.

Интересны и перекодировки в рамках связи «революция–война», которые появляются в первое десятилетие пребывания Брежнева у власти. Именно в это время возникает объяснительная модель, согласно которой, «война защитила революцию».

7 ноября 1965 года номер «Правды» открылся заглавной статьей «48 годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад тов. Д.С. Полянского на торжественном за-

⁴⁴ Правда. 1946. 7 ноября. № 265; 1947. 7 ноября. № 296; 1948. 7 ноября. № 312; 1955. 7 ноября. № 311; 1965. 7 ноября. № 311; 1975. 7 ноября. № 311.

седании в Кремлевском дворце съездов 6 ноября 1965 г.». Текст доклада о революции Полянский начинает с разговора о войне:

«В нынешнем году наша страна отмечает 20-ю годовщину победы над фашистской Германией. Война явилась суровым испытанием советского строя. Она потребовала от народа предельного напряжения всех сил, беззаветной стойкости и массового героизма. И народ, еще теснее сплотившийся вокруг Коммунистической партии, выстоял под ударами врага, а затем разгромил его»⁴⁵.

Заявив, что война стала испытанием советского строя, Полянский переформатировал первоначальную идеологическую установку. В его интерпретации субъектно-объектный ряд был обратным принятому прежде: речь теперь не шла о «созидательной силе Октября» – точкой опоры становилась победоносная война, а не революция. Очевидно, что подобное смещение не было находкой Полянского, он просто отразил смену дискурсивного прочтения войны.

Через десять лет генсек партии Леонид Брежнев в выступлении на заседании в честь Дня Победы пойдет еще дальше, сказав, что во время войны советскому народу удалось «отстоять Октябрь»⁴⁶. Так революция потеряла свою всеобъемлющую, почти сакральную силу, превратившись из главного события мировой истории в объект, нуждающийся в опеке и защите.

Одним из вариантов развития этой трактовки стало встречающееся в статьях иностранных авторов указание на то, что война не столько была продолжением революции, сколько «открыла» ее. В последнем случае показательна заметка «*Eviva la Rivoluzione Russa!* («Да здравствует русская революция)», за подписью итальянца Л. Паволини:

«Впервые 7 ноября праздновалось в Италии только после освобождения от фашизма. И это случилось потому, что большинство итальянцев очень мало знали об этом событии. Может быть, советским товарищам это покажется невероятным, но это так»⁴⁷.

Схожие позиции фиксирует и документальная хроника, например, фильмы, созданные по итогам визитов в СССР иностранных делегаций. С 1920–1930-х годов подобного рода поездки рассматривались как фактор международного признания Советского Союза, что придавало им особый статус. После войны их число значительно увеличилось. Министерство иностранных дел даже разработало «Памятку министерствам и ведомствам по некоторым вопросам организации работы с приезжающими в Советский Союз иностранными делегаци-

⁴⁵ Там же. 1965. 7 ноября. № 311. С. 1.

⁴⁶ Там же. 1975. 9 мая. № 129. С. 1.

⁴⁷ Там же. 1965. 7 ноября. № 311. С. 5.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

ями» (1958). Эти указания, однако, касались введения единых образных правил приема делегаций. Программа визита в каждом конкретном случае разрабатывалась индивидуально.

Анализ документальной хроники из фондов Российского государственного архива кинофотодокументов показывает, что в первое послевоенное десятилетие и даже несколько позже репрезентативно более значимой была демонстрация объектов, связанных с революцией 1917 года, нежели с событиями войны. Так, парламентской делегации Сирии (1955) в Москве показали мавзолей Ленина и Сталина, станкостроительный завод имени Орджоникидзе, в Ленинграде – памятник Петру I и Эрмитаж, в Крыму – санаторий и пионерский лагерь «Артек», в Киеве – Софийский собор и один из колхозов⁴⁸. Тема Великой Отечественной возникла лишь в Сталинграде, где иностранцам показали Мамаев курган и Сталинградский тракторный завод. Такое соотношение ключевых мест в хронике было типичным⁴⁹.

В брежневский период ситуация изменилась. Примечательной особенностью хроники этого времени стало уменьшение хронометража, отведенного на «места памяти» о революции (в Москве – мавзолей и кабинет-квартира Владимира Ленина, в Ленинграде – «Аврора» и музей в Разливе). Демонстрация этих объектов зачастую стала заменяться хроникой посещения так называемых памятников истории предшествующих столетий или мемориалов в честь победы в войне.

Интересно, что иностранные делегации, которые могли в 1950-х – начале 1960-х оставаться в СССР от двух недель до месяца и посещать от пяти до десяти городов страны⁵⁰, неизменно приезжали лишь в Москву. В качестве второго по значимости города с большим отрывом от столицы выступали Сталинград (Волгоград) и Ленинград⁵¹. Своего рода борьба между регионами за право представлять войну наряду с Москвой за-

48 Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). № 15524: Пребывание парламентской делегации Сирии в Советском Союзе (1955).

49 РГАКФД. № 9801: Пребывание японских делегаций в СССР (1954); № 14817: 16 дней в Советском Союзе (1954); № 9792: Делегация японского парламента в СССР (1955); № 9797: Французская парламентская делегация в СССР (1955); № 15765: Пятнадцать дней в Советском Союзе (1955).

50 См., например: РГАКФД. № 10678: Месяц в Советском Союзе (1954); № 14817: 16 дней в Советском Союзе (1954); № 21909: 30 дней в СССР (1954); № 15765: 15 дней в Советском Союзе (1955).

51 РГАКФД. № 10240: Иранская парламентская делегация в Советском Союзе (1956); № 10245: Австрийская парламентская делегация в Советском Союзе (1956); № 15569: Делегация Стортинга Норвегии в Советском Союзе (1956); № 15510: Пребывание Корейской парламентской делегации в Советском Союзе (1956); № 19189: Норвежская парламентская делегация в СССР (1956); № 10246: Пребывание делегации Государственного Собрания Венгерской Народной Республики (1956); № 19289: Пребывание китайской парламентской делегации в СССР (1956); № 15699: Пребывание парламентской делегации Цейлона в СССР (1957); № 19837: Гости из Японии (1961); № 19932: Гости из Венесуэлы (1961); № 19845: Парламентарии Цейлона в Советском Союзе (1962); № 19507: Парламентарии Турции – гости СССР (1963); № 20613: Парламентарии Сомалийской Республики в СССР (1963); № 20614: Парламентарии Сьерра-Леоне – гости СССР (1963); № 20621: Парламентарии Мексики в СССР (1963).

вершилась в 1970-е окончательной победой Ленинграда⁵², который оказался городом, способным репрезентировать одновременно революцию, развитие индустрии, войну и высокую имперскую культуру⁵³. Кроме того, такая композиция (Москва/Ленинград) стала возвращением к имперской дуальной модели центра (Санкт-Петербург/Москва).

По сути память об октябрьской революции оказывается в позднесоветский период под давлением других мемориальных проектов, прежде всего памяти о Великой Отечественной, а также переосмысленной в категориях наследия памяти о Российской империи.

Смещение революции на второй план по отношению к войне объясняется целым рядом причин. Очевидно, речь идет не только о поколенческих причинах – приходе на высшие партийные и государственные посты ветеранов войны⁵⁴ и вытеснении революции, в терминологии Яна Ассмана, из коммуникативной в культурную память, то есть за рамки воспоминаний двух-трех поколений⁵⁵. Значительно более существенную роль сыграли противоречия самой сути ключевых событий советской истории. Ведь одно из них – революция 1917 года – было нацелено на радикальный разрыв с прошлым, мыслило себя как тектонический сдвиг, целью которого было обретение совершенно иного будущего. Оно разделило страну на красных и белых и отторгло – по крайней мере на уровне деклараций – идею империи. Второе событие, напротив, стало сильнейшим объединяющим началом и основой поворота к идее империи в период позднего СССР.

Но главным, что определило итог конкурентной борьбы двух концепций памяти о главном событии советской истории, стало значение самого дискурса войны. Война, выступавшая с первого века существования Российской империи как осно-

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА

«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

- 52** Не последнюю роль в этом процессе сыграла десталинизация, отказ от фигуры Сталина как ключевой в советской истории и актуализация образа Ленина (Тихонов В.В. *Революция 1917 г. в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи* // Российская история. 2017. № 2. С. 103).
- 53** РГАКФД. № 21109. Парламентарии Ливана в СССР (1965); № 21672: Парламентарии Ирана – гости СССР (1966); № 21674: Парламентарии Румынии в СССР (1966); № 25574: Японские парламентарии в Советском Союзе (1970); № 25598: Парламентарии Люксембурга в СССР (1970); № 25601: Парламентарии Дании в СССР (1970); № 25604: Чехословацкие парламентарии в СССР (1970); № 24354: Парламентарии Франции – гости Советского Союза (1973); № 24436: Парламентарии Австралии в Советском Союзе (1973); № 27674-2: Парламентарии Панамы в Советском Союзе (1976); № 27677: Парламентарии Бельгии в Советском Союзе (1976); № 27678: Парламентарии Венесуэлы в Советском Союзе (1976); № 27679: Парламентарии Португалии в Советском Союзе (1976); № 28005: Парламентарии Социалистической Республики Вьетнам в Советском Союзе (1977); № 28008: Парламентская делегация Великобритании в СССР (1977); № 28464-2: Парламентарии Кубы в СССР (1978); № 28475: Делегация парламента Австралии в Советском Союзе (1978); № 28477: Парламентарии Гвинеи-Бисау в СССР (1978); № 29220: Парламентарии Перу в СССР (1981); № 32134: Парламентарии ГДР в Советском Союзе (1980).
- 54** Тихонов В.В. *Указ. соч.* С. 107. Автор также говорит об «объединяющей роли», которую сыграл «миф о Великой Отечественной войне», но не поясняет, в чем именно заключался смысл этого явления.
- 55** Ассман Я. *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 54–59.

ЕКАТЕРИНА БОЛТУНОВА
«ПРИШЛА БЕДА, ОТКУДА
НЕ ЖДАЛИ»: КАК ВОЙНА
ПОГЛОТИЛА РЕВОЛЮЦИЮ

вание для обретения нового статуса и путей развития, была неотъемлемой частью культурного кода страны. Ее потенциал легитимации, в отличие от революции, был универсальным.

Неудивительно поэтому, что перенос поста № 1 от мавзолея Ленина к Могиле Неизвестного солдата в 1997 году, когда сама идея революции, казалось, почти умерла, был воспринят большинством населения России как решение, не просто обоснованное, а естественное. Тот факт, что Вечный огонь у Кремлевского мемориала зажгли от символического революционного огня, привезенного из города трех революций, больше не имел значения. В настоящий момент, согласно федеральному закону (№ 32 от 13.03.1995), 7 ноября является днем воинской славы России как «День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.)». Это указывает на то, что в течение 50 лет отношения в связке «революция–война» прошли полный круг: в 1990-е война стала выступать в качестве основания для легитимации советского прошлого и ее истока – революции.